

Радости и муки примадонны

Начало на с. 1.

— Происходит в стране? Мой муж в августе сбежал сюда воевать. Есть совершенно феноменальный снимок, где он с автоматом и держит его, как виолончель, а рядом — уснувший на его плече охранник. Когда я по ТВ увидела эту массу людей у «Белого дома», то сказала, что теперь есть надежда, что Россия поднимется.

— Я знаю, что у вас с Ростроповичем на этот счет были разные мнения?

— Ростропович пересмотрел свои взгляды.

— Ваша интуиция оказалась более точной?

— Ну, я женщина, а потом, знаете, актриса, поэтому мне виднее, где игра, а где нет.

— Вам одиноко в Париже?

— Что значит одиноко? Я так привыкла. Вообще, я всегда жила одна. И здесь, в России, тоже. Правда, у меня был мой театр. Я проходила Художественный проезд и сразу видела его. Театр и я составляли одно целое. Потом уже волею судьбы и людей (или наоборот), я должна была оставить его и оказаться за границей. И там выход был один — тоже быть самой собой.

— У вас хорошая выучка. Вы же сирота при живых родителях, блокадница. Так что уже в начале жизни получили колоссальный запас прочности.

— Конечно, если появляешься на свет в семь месяцев и тебя бросают... Так что я научилась бороться за жизнь еще младенцем.

— Какой у вас мир в Париже?

— Там жизнь несколько иная, чем здесь. Я много работаю. Два года, как перестала петь на сцене, веду мастер-классы в разных странах, ставлю оперные спектакли. Дел полно.

— Вы следите за своей внешностью так же тщательно, как и раньше?

— Ну а как же?

— Наверное, тратите на это немало времени?

— Ничего подобного. Я прощаюсь и начинаю все делать очень быстро. Так и быть, расскажу вам один секрет. Я привезла с собой платье, в котором хотела выйти на сцену в свой юбилей. Оно шито одной венской фирмой в единственном экземпляре. Так вот, платье не сходилась на мне на два сантиметра. Но я специально не взяла про запас другое, решив похудеть здесь. Набрала с собой супы в пакетиках, ничего, кроме них, не позволяю себе есть.

— Вы ни разу не спустились в ресторан?

— Нет. Дочки ходили, а я в номере завариваю себе чашку супа. Три в день — и ничего больше. Этот внутренний заряд и самодисциплина у меня с детства.

— Всю жизнь на самоограничении?

— Абсолютно. Никаких секретов молодости. Это все чепуха. Нельзя позволять себе ослабнуть духом, тогда ничего не страшно.

— В свое время многие представляли вас иначе. Мол, наивная певичка попала на сцену благодаря своему знаменитому мужу, который гениально играет на виолончели и помогает ей разучивать романсы.

— Специально для тех, кто так думает, сообщаю — я никогда с Ростроповичем не работала дома, только в театре. Все мои оперные партии уже готовые он слушал там. Только однажды я пропела ему партию из оперы «Война и мир» Прокофьева дома.

Но самыми трудными были наши со Славой концертные программы. Вместе мы не репетировали. Обычно он приезжал откуда-нибудь за два-три дня до концерта, и на него тут же наваливались ученики. Играть он любит только наизусть. Прибегит, бывало, домой, как безум-

ный, и сидит учит. Какая уж тут репетиция! Мы с ним переругаемся, потом, в ночь, перед концертом, что-то быстро повторим. Придем в театр, друг с другом не разговариваем. И я даю себе слово никогда в жизни с ним больше не работать на сцене. Но начинается концерт, и между нами возникает полная гармония.

— На что вы сейчас живете? Я вижу на ваших руках изумительные драгоценности.

— Эту лягушку из зеленого перламутра с бриллиантом в пасте мне подарил Слава. Это от Тиффани (самый дорогой в мире магазин. — Ред.). Слава говорит, что я — царевна-лягушка. Не волнуйтесь, я не бедная женщина. Мне хватит тех денег, которые я заработала за первые три года гастролей на Западе, когда меня отсюда выгнали. Денег хватит, если даже я проживу до 90 лет и дольше.

— Я спрашиваю об этом не случайно. У нас-то артисты влачат жалкое существование.

— Между прочим, я от Большого театра пенсию не получаю до сих пор. Если когда-нибудь ее дадут, я тоже передам эти деньги в фонд помощи артистам-пенсионерам. В Большом театре было человек пять, наверное, которые получали высшую ставку — 550 рублей за шесть спектаклей. Это считалось нормой. Конечно, за такие деньги мы не пели столько, каждый старался уменьшить нагрузку, в том числе и я. Примадоннам ошибок не прощают.

— Трудно представить, как выдерживала подобные нагрузки такая хрупкая женщина, как вы.

— На каждом спектакле я теряла два килограмма.

— А с кем вы конкурировали?

— Не знаю. Я всегда имела свое место в театре, была любимой певицей дирижера, режиссера. У меня не было конкурентов. Но хочу сказать, что такой атмосферы склок, какая была тогда в Большом театре, как, впрочем, и в любом театре нашей страны, нет нигде в мире. Потому что на Западе существует система контракта. С тобой подписывают контракт, и ты, скажем, поешь в этом сезоне три спектакля. За это платят большие деньги. Но если ты захочешь, чтобы для тебя постелили красный ковер перед выходом из театра и подали лимузин к подъезду, то скажи секретарю, оплати, и ты это получишь. Бесплатно никто ничего делать для тебя не будет! А здесь за гроши поют, но если ты народная артистка, значит, ковер и машину тебе подадут, а другому это не положено.

Теперь о конкуренции. Допустим, я пою в опере «Макбет» без второй исполнительницы, потому что на меня поставлен спектакль. И знаю, что должна выдерживать, потому что, если сваюсь, найдут кого-нибудь другого. Но пока я стою на ногах, я должна выполнять контракт. Никакой подстраховкой никто не занимается.

Здесь же из-за того, что все на зарплате, труппа огромная, штат раздутый. В мое время в «Евгении Онегине» было семь Татьян!

— Долгие годы Большой театр хандрит, ему как-то надо помочь.

— Еще Фурцевой я пыталась внушить, что стране не нужно столько оперных театров. Они не могут все быть заполнены хорошими певцами, а отсюда средний уровень. Поэтому, если закрыть 10 — 15 театров в городах, где на сцене больше народу, чем в зале, собрать лучших солистов и сделать один гастрوليрующий театр с замечательной труппой, хором, оркестром, который будет месяц работать в Хабаровске, месяц — в Саратове, в Новосибирске, тогда будут полные сборы и полные залы.

Беседовал В. СТАРКОВ.